

18+

Александр Станиславович Сих

КОСМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ

Александр Сих
Космические Законы

«Издательские решения»

Сих А. С.

Космические Законы / А. С. Сих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980404-4

Сборник составлен из мистических и фантастических произведений. Ироничность и шутовство повествования, как и гротескная фантазия автора, не должна вводить читателя в заблуждение. Все сюжеты содержат скрытый смысл, который и предстоит постичь при внимательном чтении. На поиск Истины — с улыбкой!

ISBN 978-5-44-980404-4

© Сих А. С.
© Издательские решения

Содержание

Харон	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	26
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Космические Законы

Александр Станиславович Сих

© Александр Станиславович Сих, 2020

ISBN 978-5-4498-0404-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Харон

Сегодня здесь, а завтра там,
Ни в чём не можешь быть уверен.
Заполняя златом свой «Сезам»,
Душою жить ты не намерен.

Глава первая

Покушение произошло в четверг после дождика. А дождик закончился сразу после обеда. Дождевые тучи ветер погнал в направлении северо-востока, а показавшееся солнце перевалило зенит и медленно стало клонить свою оранжевую голову к западу. Магнат Баксов, только что отобедавший в собственном ресторане, вышел на улицу, с наслаждением вдохнул свежего озонного воздуха, загадочно улыбнулся синему небу, подошёл к своему бронированному лимузину, как вдруг в это мгновение что-то больно ударило ему в голову. Он ничего не крикнул, не застонал, даже не пикнул – просто молча уткнулся лицом в лужицу на асфальте, да так и остался лежать. Последняя мысль, кометой промелькнувшая в потухающем мозгу, несла в себе настолько наглый оптимизм, что казалась утопической: «А может, это просто кирпич? Сильный ушиб головы и лёгкое сотрясение мозга? И для меня не всё ещё потеряно?» У него при жизни было много гениальных и провидческих мыслей, в основном, конечно, напрямую касающихся бизнеса, но в этот самый ответственный момент земного бытия, когда грань между мирами становится абсолютно прозрачной, последняя мысль, как назло, оказалась ошибочной. Это был не кирпич, нанёсший сильный ушиб голове и слегка причинивший сотрясение мозга, и всё нажитое непосильным трудом имущество было для него безвозвратно потеряно. Как, впрочем, и лежавшее ухоженное тело.

Охрана, конечно, засуетилась. Пистолеты выхватили, головами, как и предписано инструкцией, завертели в разные стороны, выпучив глаза, зоркими взглядами прошлись перекрёстным огнём по окнам и чердакам близстоящих домов. Один из охранников, со знанием дела, наклонился к телу и приложил пальцы к шее. Все замерли – что скажет «доктор»? «Доктор» руку отнял, поднял наполненные грустью глаза к коллегам, и все вдруг ощутили невыносимую тоску и одиночество. Второй, правда, будучи когда-то спасателем на лодочной станции, не поверил до конца своему товарищу и страстно приник к убиенному, усиленно делая искусственное дыхание, дыша тому в рот перегаром, размешанным «орбитом». Но и эти меры оказались напрасны. Всё было кончено. Зияющая в затылке дырка с запёкшейся кровью, что при жизни говорило о хорошей свёртываемости крови, теперь не вселяла окружающим особой надежды на благополучное выздоровление.

Это трагическое событие вызвало шок и более чем минутную растерянность в рядах опытных профессионалов, поглощённых странным образом совершенно другими мыслями настолько, что полицию пришлось вызывать управляющему рестораном. Для которого, впрочем, Баксов являлся таким же хозяином, как и для охранников. Но, в отличие от управляющего, все они в один миг лишились работы. И мало того – три дня не дотянули до зарплаты! А лежавшее тело, будучи некогда их хозяином, всегда поощряло своих «преторианцев» дополнительной премией наличными, которая превышала официальный оклад и не облагалась налогом. Да и с дальнейшим трудоустройством по профессии «телохранитель» теперь будет проблема, разве что – сторож на склад или охранник в супермаркет?! Тело замочено – репутация подмочена. Ни один любящий себя набоб не доверит своё бесценное тело таким неряхам.

Хотя, здраво рассуждая, всё-таки лучше что убили, а не ранили. Ещё неизвестно, чем бы всё для них обернулось после прихода босса в сознание?! Банкир был относительно справедлив, но основательно крут. Эта незатейливая мысль пришла в головы, видимо, всем четверым, так как они понимающе переглянулись и потупили мгновенно глаза, дабы скрыть от постороннего взгляда сверкнувшую надежду в тоске уходящей скорби. Закурив, все молча стали ждать приезда следственной группы, изредка бросая беспокойные взоры на совершенно спокойного и ко всему вдруг охладевшего магната. А магнат спокойно лежал в дождевой лужице, и было ему всё происходящее совершенно безразлично. До лампочки!

– Вставай! Уснул, что ли?! Не обольщайся, по собственному желанию спать здесь не полагается. Здесь возможен лишь анабиоз души, но только после судебного вердикта. Ну, хватит, выползай уже из своего психологического кокона! Не бойся, первая часть драмы, под названием брэнная жизнь, благополучно завершилась. Впереди ждёт таинственная неизвестность, где все твои тайны всем давно известны, и уже никому не интересны. Кроме, конечно, тебя, потому что именно тебя должно интересовать твоё будущее. Выходи-выходи, здесь ничуть не страшнее, чем там.

Магнат не поверил своим ушам – он слышит голос?! Человеческий голос! Впервые в жизни он был этому рад. Значит, он не умер?! Он жив, а раз так, то это всё меняет. Интересно, кто это, в таком случае, позволяет себе так дерзко с ним разговаривать? Кто этот смелый глупец?

Баксов открыл глаза, сел и огляделся. Вокруг было сумрачно и тоскливо. Неужели уже поздний вечер? Странно?! И что это за чертовщина?! Не было ни зданий, ни улиц, ни людей, снующих по этим улицам, ни автомобилей, припаркованных к тротуарам, которых, кстати, тоже не было. Не было ничего и никого, кроме длинноволосого мужчины лет сорока, в потёртых джинсах и кожаной куртке. Тот загадочно улыбнулся и протянул сидящему руку.

Когда магнат, ухватившись за руку и не почувствовав странным образом соприкосновения, поднялся, мужчина сказал. Точнее, спросил, уточняя:

– Баксов Викентий Аристархович? 1962 года рождения? – Тот молча кивнул. – Банкир? – Очередной кивок. – Владелец ресторанов? – Кивок. – Крупный акционер нефтяной компании и металлургического завода? – Кивок. – Магнат, значит?

– Да! – услышав любимое слово, Баксов обрёл дар речи. – Ещё имею две гостиницы, яхту и недвижимость во Флориде.

– Имеете, значит? – как-то очень странно спросил незнакомец.

Кто он такой? На агента спецслужб не похож?! Скорее на хиппи, который в юности напялил выцветшие джинсы и носит их до смерти. Есть такие типы. Но хамить почему-то не хотелось: не всё было ясно и понятно в сложившейся обстановке.

– Конечно, имею! – придав голосу твёрдости, сказал банкир и завертел головой в поисках поддержки тех, кто мог бы засвидетельствовать, что так всё оно и есть. Но вокруг по-прежнему никого не было, будто все вымерли и остались только они двое – он, известный и уважаемый миллиардер, и эта тёмная и подозрительная личность. Да и личность ли это вообще?

Старые джинсы, потёртая куртка, поношенные кроссовки, под которыми, он это знал наверняка, грязные и дырявые носки. Вот он – личность! И не просто с большой буквы, а все буквы большие. Огромные! Как и он сам. И чтобы это увидеть, не надо присматриваться. Достаточно беглого взгляда. Даже издали и в темноте. После этого самовнушения, к миллиардеру вернулась прежняя самоуверенность, которая всегда проявлялась в высокомерии и наглости к существам, по его убеждению, низшим.

– А ты, собственно, кто такой? И где мой дом на колёсах? И где эти бездельники и дармоеды – мои телохранители? Мои янычары! Мои преторианцы! Мои гвардейцы! Мать их! Всех уволю! Пойдут улицы мести! Клозеты чистить!

Викентий Аристархович разошёлся. А почему бы и нет? Он опять хозяин положения, раз жив, а значит – судьбы. И не только своей.

– Что ты молчишь, как истукан? Отвечай, когда тебя спрашивают! Будешь хорошо себя вести, возьму на работу. Мой лимузин доверю мыть. – И банкир засмеялся, довольный своей шуткой. – Это не автомобиль – дворец! Работать будешь в поте лица. И выведи, наконец, меня из этого мрака на свет божий! Какое-то странное место: ни домов, ни людей, ни звёзд на небе. Как мы здесь оказались?

Незнакомец из всего сказанного услышал только одно:

– Вывести, говоришь, на свет Божий? Это вряд ли. Если бы я знал туда дорогу, сам пошёл бы. Пополз бы. Только поздно уже, раньше об этом надо было думать.

– Что поздно, я и без тебя вижу, раз темень тьмушая, а вот думать никогда не поздно. Поверь человеку, который сам сделал себя и состояние. Пойдём, отыщем какой-нибудь бар, промочим горло. Нам бы только на дорогу выйти. У тебя фонарь есть?

– Ну что ж, – согласился мужчина, – пойдём. А фонарь мне не нужен, я и без него прекрасно знаю путь. Потому что для нас открыта только одна дорога, которая ведёт к единственной двери, за которой находится суд.

Магнат глянул на крепко сложенную фигуру:

– Ты что, мне угрожаешь? Какой суд? Я куплю любой суд! Вместе с судьёй, прокурором, судебными заседателями, зрительным залом и зданием, где всё это находится!

Незнакомец вежливо возразил:

– Не хотелось лишний раз огорчать, но здесь это не прокатит. Наш судья уже давно, как кристально честный человек, а прокурор... о-о-о, с ним вообще не договоришься. Сущий зверь к подобным тебе типам.

Банкир недоверчиво глянул собеседнику в глаза и криво усмехнулся.

– А, я всё понял, – сказал он и в подтверждение понимающе закивал головой. – Ты бандит. Террорист. Ты специально меня сюда затащил, чтобы потребовать выкуп. Я, правда, не знаю, как тебе это удалось сделать, не убив всю мою охрану, но... Я зря ругал своих верных псов. Их, значит, перестреляли, меня оглушили, вероятно, кирпичом, запихнули в машину, привезли на этот пустырь, оттащили в самую глубь, чтобы легче было запугать?! Ну что, я прав? Конечно, прав! Всё стало на свои места. Сколько хочешь, сволочь?

«Хиппи» на оскорбление не обиделся, а лишь с грустью ответил:

– То, чего хочу я, у тебя нет, а то, что у тебя было и есть, тебе за него отчитываться и отвечать. Такого добра и даром не надо.

– Что ты мелешь, бестолочь?! Каждый бродяга из себя философа корчит! Ты жил червяком, червяком и сдохнешь! О добре он рассуждает! Тебе, дураку, и за сто жизней не добыть столько добра, сколько у меня! Так и вытянешь ноги в своих рваных джинсах!

– Уже.

Викентий Аристархович ждал продолжения, но его не было. Мужчина смотрел на него и добродушно улыбался, не выказывая ни крохи обиды, ни даже раздражения. Олигарх не любил неясностей, поэтому с издёвкой спросил:

– Что – уже? Краткость – сестра таланта? Ха! Краткость – привилегия авторитетов!

– Краткость – дочь мудрости, – ответил незнакомец, и, помолчав, добавил. – Хотя, конечно, и не всегда. А ноги я давно вытянул. И ты тоже, только недавно. Но это не имеет никакого значения, потому что время здесь – понятие абстрактное. Оно как бы есть, и в то же время, этого времени как бы и нету.

– У тебя с головой всё в порядке?

– Голова здесь тоже не имеет никакого значения.

Дерзкий «хиппи» говорил спокойно и уверенно, что шло вразрез с твёрдыми представлениями магната о сумасшедших людях. Тот вёл себя слишком уравновешенно, не повышал голоса, не шёл на конфликт, да и вообще, было ощущение, что его данная ситуация волновала как-то не очень близко. Странно для бандита?! А манера говорить? Ни слова о деле, а какая-то белиберда. Играет роль мафиозного философа. А место-то подобрано со вкусом! Очень странное место?! Никакой видимости вокруг, только они двое, и никаких посторонних звуков. То есть, абсолютно. Будто всё умерло в тот момент, когда олигарха ударили по голове. Он был в этом уверен. Уверен в том, что его оглушили, а в том, что всё после этого умерло, он ещё сомневался. А вот то, что он жив, в чём его глупо пытались переубедить, Баксов несколько

не сомневался, впрочем, как и стоявший перед ним охламон. Здесь что-то другое. Но что? Попахивает заговором. Точно – заговор! Международный!

– На кого работаешь? Какие структуры представляешь, шестёрка? И отвечай без идиотского выпендрёжа. – Викентий Аристархович в бизнесе, как и в жизни, что, впрочем, для него было одно и то же, признавал два метода: силы и компромисса, если сила вдруг оказывалась бессильна. – От этого зависит твоё будущее. Я думаю, умные люди всегда могут договориться?!

– Безусловно, – незнакомец неожиданно быстро согласился. – Умные люди просто обязаны договариваться, но... если при договоре не приходится поступаться совестью и честью. Только в конкретном случае договариваться бесполезно. Поздно. Тут тебя даже никто слушать не будет. В одном ты прав – я действительно здесь мелкая сошка, но моё будущее, как и твоё, от нашего разговора совершенно не зависит. И скрыть что-либо здесь не представляется возможным. Даже самую малюсенькую мелочь. Как, например, кражу в детстве у отца денег и ловкий перевод стрелок на соседа, с которым тот выпивал. Ну что, было такое? Ты с детства подавал блестящие способности будущего уважаемого человека, и уже тогда было понятно – вырастет либо крупный коммерсант, либо большой политик.

Банкир молчал. Он был ошеломлён и растерян, потому что этого не мог знать никто. Он не то что никому не заикался о первой своей финансовой афере, но этот случай Баксов вообще попытался стереть из своей памяти. И ведь почти удалось.

– Откуда ты про это знаешь? – пролепетал он дрогнувшим голосом.

– Мне сообщили эту подробность на случай твоей упёртости. Чтобы вернуть, так сказать, из твоей прошлой богатой фантазии в бедную реальность. Мираж буржуазных забот рассеялся, начнутся духовные трудовые будни. Ты, дорогой товарищ, или господин, если хочешь, действительно был убит из снайперской винтовки человеком, который вскоре тоже здесь появится. Так что, пока мы будем в пути, я могу на некоторые вопросы ответить.

Магнат долго стоял молча, оглядывая мрачные окрестности и странного парня. Ему не верилось, ведь он мыслил, а значит, как утверждал Декарт: «Я мыслю, значит, существую».

– Но ведь я существую! – отчаянно воскликнул он. – Вот он я!

– Естественно, ты существуешь, – спокойно ответил парень. – Как и я. Как и многие другие. Только уже в другом мире. А в том тебя убили. Увы, но это факт.

– Ну, допустим, – через силу выдавил магнат и вдруг зло спросил. – Кто меня заказал? Я догадываюсь, но хотелось бы для полной ясности уточнить?!

– А разве это так важно?

– А тебя не учили, что отвечать вопросом на вопрос не вежливо. Обещал – отвечай!

– Хорошо. Заказал тебя Евров, твой друг, если в вашей сфере вообще могут быть друзья. Или, хотя бы, товарищи. Вряд ли. Но можешь не волноваться, в субботу тебя похоронят по самому высокому разряду.

Банкир скрипнул зубами:

– Опередил, сволочь! Мне давно шептали, что он строит козни и плетёт за моей спиной интриги, а я всё сомневался. Тут, как на дуэли, надо стрелять первым, а я, дурак, замешкался. – Но вдруг, передумав, толстосум в отчаянии опять закричал, не желая мириться с новой реальностью. – Но ведь я же жив, чёрт возьми!

В то же мгновение олигарх был тихо, но резко остановлен:

– Тсс. Здесь не принято его упоминать. Хватит того, что там эти особи окружали тебя толпами. Да и здесь, я думаю, тебе с ними ещё предстоит встретиться. Потом. А сейчас мы должны идти. Впереди ещё две точки.

Сказав это, незнакомец отогнул рукав куртки и посмотрел на свои «Командирские» часы. Бизнесмен не удержался и тоже глянул – те тикали и показывали два часа дня. Потом он согнул в локте свою руку, на запястье блеснул золотой «Ролекс», на котором замерли цифры – 13.13.

Бродяга тоже посмотрел.

– Это время твоей смерти, – констатировал он. – Замечательные цифры. Будь ты ещё там, уже плевался бы через левое плечо и стучал бы по дереву. Что, не так? Умные, образованные, цивилизованные люди! В главное не верим, а во всякую бесовскую чушь – с удовольствием! Ты хоть понимаешь, куда плюёшь? Цифра тринадцать – это Иисус Христос и его двенадцать учеников.

Викентий Аристархович оторвал взгляд от циферблата, посмотрел на собеседника, потом окинул окружающую пустоту и горестно выдохнул:

– Неужели это правда?

На что получил исчерпывающий ответ:

– Я понимаю, к правде ты не привык, но лжи здесь нет. Совсем. Голая, мрачная правда, к которой мы идём всю свою сознательную жизнь.

– Какой кошмар! Ужас!

Незнакомец и тут его успокоил:

– Это всего лишь прелюдия. Увертюра. А сама кошмарная и ужасная опера впереди.

Но сначала – суд.

– Ты нарочно меня пугаешь? Заладил: суд! суд! Что я, на суде ни разу не был! – нервно проговорил магнат и вдруг успокоился. – Только было это очень давно. Отвык. Не думал, что вновь придётся. Адвоката дадут?

Но ответа получить не успел. Раздался шум, свист и, буквально, в метре над ними пронесли с ураганной скоростью то ли три, то ли четыре расплывчатые тени.

– Вот дурак, – заключил мужчина в джинсах.

– А кто это? – нерешительно и тихо спросил Баксов.

– Беглец. Дурашка, решил смыться.

– От кого?

– От сопровождающего. Только зря. Видел, как за ним рьяно погналась служба безопасности?!

– Догонят?

– Запросто! Хотя, некоторым, правда, удаётся затеряться в коридорах времени. Но это, во-первых, ему надо случайно попасть в определённую точку в момент её активации, а во-вторых, он обрекает себя на вечное скитание в бесконечных пространственно-временных норах. Без очищения и прощения. Потом сам будет не рад.

– Почему?

Мужчина усмехнулся:

– Ишь, какой ты стал любопытный, когда помер?! Тебе бы подобными вопросами надо было заинтересоваться ещё там, когда был в теле. А потому, что прощение человеку просто необходимо. Без него и жизнь не в жизнь. Ну, ладно, не переживай, таких здесь большинство. Всё образуется. Ты в привидения, конечно, никогда по-настоящему не верил? – магнат угрюмо и отрицательно покачал головой. – А зря. Среди беглецов, правда, привидений мало, редко кому удаётся сбежать, а вот среди грешников есть такие. Это очень страшное наказание.

– Значит, ты мой сопровождающий? – сделал предположение магнат.

– Да, своего рода Харон в подземном царстве. А проще – проводник.

Олигарх очень заинтересовался. Он даже как-то забыл, что умер, а просто идёт с человеком, который рассказывает очень интересные вещи. Но интересными они стали именно после того, как он умер. Вопросы, рождающиеся уже неизвестно где, прыгали один на другого, оттачивали друг дружку, цеплялись между собою своими вопросительными знаками. Баксов ощутил неодолимую тягу к знаниям. Ведь эти знания не идут ни в какое сравнение со знанием биржевого курса акций, со статистическими сводками о ежемесячной прибыли, которая оказалась вещью совершенно бесполезной, с изучением компромата на своих заклятых друзей –

известнейших бизнесменов и политиков. Хотя, честно сказать, последнее занятие дело весьма и весьма увлекательное.

И вдруг он стал очень серьёзным и сосредоточенным, будто пытался вспомнить что-то неимоверно важное.

– Минуточку! – воскликнул просиявший магнат, вспомнив то, что давно было сокрыто в глубинах подсознания. – Я что, похож на идиота? А где же яркий свет? Блаженное состояние? Я тебе не какой-нибудь неуч! Лет тридцать назад я впервые летел на самолёте, и мне было очень страшно, и вот кто-то из сопровождающих шутников сунул мне книгу Раймонда Моуди «Жизнь после смерти». Или «Жизнь после жизни»? Точно не помню, но помню, что за время полёта прочёл её от корки до корки, и даже не заметил, как мы приземлились.

– Вот видишь, у тебя была склонность к постижению непостижимого, а ты променял её на фанатичное накопление денежной массы.

– Да при чём тут это?! Я хочу сказать, что там был яркий, можно сказать, ослепительный свет! Радостное душевное состояние, и встречали клинически умерших добрые и светлые личности, а не всякие бродяги, вроде тебя!

Харон и на этот раз несколько не обиделся. Видно, приходилось выслушивать и не такое. Лишь кривая усмешка появилась на его лице.

– А бурных аплодисментов, переходящих в овацию, не организовать? А молоденьких девиц с цветами и хлебом-солью не вызвать? А потом вместе с ними в баньку! – Бизнесмен заулыбался, представив нарисованную картину. – Девушки отпадают, а вот банька будет.

– Да? – недоверчиво спросил подопечный.

– В обязательном порядке. Там тебе зададут жару! От этой процедуры ещё никто не отвертелся, процесс прожарки обязателен для всех сюда прибывших, только установка таймера для каждого отдельная. Банька эта – чистилищем зовётся!

– А-а...

– Стоп. Тихо. Пришли.

Глава вторая

Проводник остановился, следом замер и Викентий Аристархович, глупо блуждая взглядом по всё той же окружающей темноте.

– Странное ощущение, мы как будто шли, а вроде и не двигались, – тихо сказал он. – Всё как-то легко и воздушно.

– Безвоздушно, – поправил его Харон. – Наши движения, как и наши тела с одеждой, всё это иллюзия, дабы не шокировать преждевременно только что умерших своей ужасной сутью.

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно. Я всегда очень серьёзен.

– А... когда мы увидим... эту самую суть?

– После суда, когда распределят по новым местам обитания.

Магнат уже собирался задать очередной вопрос, как вдруг темнота растворилась, и они оказались посреди трассы, по которой оживлённо сновали автомобили, им, впрочем, не причиняя никакого вреда. Он был сильно удивлён, но не тем, что они проезжали сквозь них, а тем, что ему не было страшно. Ну, ни капельки, ни граммулечки, а, смешно сказать, стало даже весело. Так и хотелось выкинуть какую-нибудь озорную шутку. Но тут они подошли к обочине, где склонились люди в форме и белых халатах.

– А что мы здесь делаем? – шёпотом спросил Викентий Аристархович.

– Ждём клиента, – нарочито громко ответил Харон.

– Они нас не слышат? – опять спросил магнат, не повышая, на всякий случай, голоса.

– Они – нет. И не видят. Он нас слышит, только боится. Мы, то есть я, должен помочь ему преодолеть чувство страха.

И проводник направился в самую гущу толпы. Бизнесмен, строго следуя за спиной сопровождающего, осторожно выглядывал из-за его плеча.

– Помогать ты умеешь, я в этом убедился, – шепнул он с сарказмом. Как оказалось, представителям крупного капитала также не чужда бывает тонкая ирония. – Быстро меня из кокона вытряхнул. Ты случайно до смерти не психологом работал?

– В этом одна из проблем личности, что многие работают в своей профессии случайно, не найдя себя, по разным причинам, в своём предназначении, – ответил расплывчато Харон, а потом конкретно добавил. – Филологом. Мог бы работать. С деканом разошлись во мнении относительно нравственной составляющей не только в творчестве писателя, но и в его личной жизни. Он утверждал, что это абсолютно разные вещи, и не следует подгонять гения под общечеловеческие критерии. Сам, не будучи не то что гением, а даже сколько-нибудь значимым талантом, но упорно мня себя им, страстно защищал две страсти, которым был страстно подвержен – деньги и девочки. За что однажды поплатился.

Остальное не глупый банкир додумал сам:

– Однажды ты вступился за поруганную честь, и тебя безжалостно вытурили из университета?! По закону земной справедливости. И в итоге – поплатился ты.

– Я рад, что мне попался не примитивный бандит-миллиардер. Так оно приблизительно и вышло.

Они стояли возле автомобиля и разговаривали. По всему было видно, что проводник и сам не прочь поболтать на эту тему. Трудно отделаться от воспоминаний до тех пор, пока их не сотрут. И Харон продолжил:

– В конечном итоге, всё-таки, поплатился и он. Очень алчный ценитель литературы оказался. Выше всего ценил трилогию Теодора Драйзера – «Финансист», «Титан» и «Стоик». Восхищался Фрэнком Каупервудом, а погорел на мелочной взятке. Смешная сумма – пять тысяч

долларов. Тьфу, и растереть. Так что, в конечном итоге, моральную победу одержал я, чему был безмерно рад. А вот этого делать как раз-таки и нельзя было.

– Чего – этого?

– Радоваться. Крайне отрицательная радость. Негативная радость.

– Ну и что с ним случилось дальше? Жив ещё?

– Не знаю, но мне не попадался. Может другим лабиринтом прошёл?! Нас, проводников, очень много, и каждый идёт своим тоннелем. Ладно, пора делом заняться. Так, что тут у нас?

Чёрный «мерседес» был здорово сплюснут и покоился на крыше. Кверху лапками. Водителя достали, он был жив, но без сознания, а вот пассажира извлекали с помощью технических средств.

– Ну, и долго я буду ждать? – приступил к своим прямым обязанностям проводник, нивелируя страх смерти тонкой и чуткой беседой. – Что ты прилип к своему позвоночнику? Он же сломан в трёх местах! Зачем нужна тебе эта рухлядь?! Выходи на свободу, насладись ощущением безмятежности и невесомости.

Ответа не последовало. Викентий Аристархович выдвинул свою версию:

– Может, он жив, поэтому нас и не слышит?

Из автомобиля послышался писклявый голосок:

– Да, я жив. И меня вот-вот спасут.

Олигарх обречённо махнул рукой:

– Всё-таки умер, раз отвечает. Правильно?

Харон угрюмо согласился:

– Правильно, правильно. – И вновь обратился к клиенту. – О спасении надо было думать при жизни, а теперь тебя не спасут, а вытащат и отвезут твоё никому уже ненужное тело в морг. Через два дня вот это, – он ткнул пальцем в сторону изуродованного тела, – закопают. И что ты дальше будешь делать? – Тишина. – Всё, хватит капризничать, как маленький ребёнок! Хоть сейчас пора набраться храбрости и посмотреть правде в... лицо, глаза, куда угодно, потому что здесь твоя правда, это я. Не задерживай, у нас ещё одна точка.

Умерший оказался не просто капризным, а каким-то зловредным субъектом. Он категорически не хотел слушаться:

– Не вылезу! Сейчас меня достанут и врачи приведут в чувство. И я слышу, как стучит моё сердце!

Харон не терял терпения и самообладания:

– Дурень! Это эмчезники молотками по автомобилю колотят. А чувство у тебя должно быть одно – смирение с произошедшим. Надо при физической жизни мементо мори.

– Мори, мори, – передразнил клиент и неожиданно воскликнул. – Вы не понимаете! – В голосе погибшего слышались горечь и отчаяние. – У меня назначена деловая встреча! Я заместитель министра, и мне там обязательно надо быть! Что скажет министр, когда я на неё не явлюсь и не выполню его поручение?

Проводник улыбнулся:

– Назовёт тебя идиотом, однако в последнем слове на кладбище красиво, но лицемерно, нарисует тебя красками яркими и светлыми. Чего ты, как сам должен понимать, ни в коей мере не заслуживаешь. Так что, всё будет хорошо, и на твоё место придёт другой ценный кадр. Или ты думаешь, что всё без тебя рухнет?

– Я, конечно, так не думаю. Я не дурак, и у меня есть голова на плечах. – Из осторожности и чувства такта никто возражать не стал. – Но обидно! Трудный вопрос уладили, и мне оставалось только забрать деньги. Министр ждёт с нетерпением.

В магнате проснулся бизнесмен. Или наоборот?!

– Сколько? – спросил он твёрдым, деловым тоном.

Привычка к скрытности впиталась у чиновника в кровь. И пусть таковой уже не было, но та просочилась куда-то ещё, поразив неуемной жадой стяжательства все его сущности. Все хотят жить, особенно наши пороки, которые не желают умирать даже тогда, когда умирает надежда.

Помедлив с минуту, он ответил:

– Много. Очень много.

Баксов расхохотался:

– Вы посмотрите на него! Много! О-о-очень много! – Посмотреть, правда, не представлялось возможным. Клиент из убежища не выползал. Видимо, вместе с пороками, жила ещё кроха надежды. – Что ты тут из себя цел... – магнат вспомнил предостережение проводника относительно некрасивых ругательств. – Кокетку строишь?! Жеманницу! – Харон был поражён словарным запасом человека сугубо коммерческих дел. – Я за свою жизнь насмотрелся на вашего брата. Через мою кассу прошло столько чиновников и политиков, что моя чёрная бухгалтерия покраснела от стыда! Вы же самые настоящие проститутки! От рублёвых до валютных! Небось, миллион-два, не больше? Я имею в виду, конечно, доллары. Баксы!

В ответ послышался шёпот:

– Полтора.

У магната вырвался очередной смешок, только злобный:

– И это он называет большими деньгами?! Я ежегодно тратил на таких вот подонков от десяти до двадцати миллионов! А вот теперь оставил на растерзание мародёрам и стервятникам восемь миллиардов! А он тут...

Следующая поправка чиновника из перевёрнутого автомобиля окончательно уничтожила магната:

– Рублей.

От неожиданности и последующего негодования, Баксов раскрыл рот, чтобы дать самую точную характеристику этому ничтожному бюрократу народным фольклором, но вновь вовремя вспомнил, что упоминание кое-кого и прочие ругательства массового употребления там, здесь категорически не приветствуются. И он яростно крикнул:

– Выползай, червяк!

Приказ такого значимого индивида, послушный и раболепный чиновник проигнорировать был не в силах. Карьерная субординация и благоговение перед вышестоящими в нём сформировалась, видимо, ещё в пионерском возрасте. И вскоре ожидающие услышали сопение и кряхтение, затем несколько тяжёлых вздохов, и вот уже через днище перевёрнутого «мерседеса» показался силуэт тучного мужчины пятидесяти лет.

– А ты психолог лучше меня, – несостоявшийся филолог не скрывал своего восхищения. – Умеешь веско и аргументированно убеждать. Не ожидал, что и здесь твой авторитет сможет пригодиться?!

Магнат был польщён:

– А с ними иначе нельзя. Где пряником, где криком, ну, а где и пинка хорошего следует поддать. Для ускорения принятия правильного решения. Они признают только такие стимулы. Их надо убеждать не душевной беседой, а страхом или выгодой.

Как только чиновник покинул место гибели своего тела, всё исчезло: и искорёженный автомобиль, и трасса, и суетящиеся люди. Остались они втроем, да окружающий их полумрак. Новый клиент испуганно завертел головой.

– Вы меня обманули! – закричал он. – Вы меня выманили хитростью и силой! Это нечестно, подло и низко! Вы меня убили! Где моё тело?

И высокопоставленный чиновник по-детски заплакал. Магнат, уже открывший рот, чтобы съязвить, неожиданно скромно промолчал. Наступила тягостная минута всеобщего молчания, выждав которую, Харон попытался утешить несчастного:

– Всё относительно, мой друг: ты умер, но остался для многих, не близко тебя знавших, честным и порядочным человеком. И если тебя это хоть немножко утешит, то я поделюсь информацией, которой меня снабдили на всякий случай, но которую открывать вам вовсе не обязан. Так вот, твой начальник, господин министр, через неделю на этой же сделке будет пойман с поличным и арестован. Это подстава, которая очень наглядно продемонстрировала степень вашей чиновничьей алчности.

Он перевёл взгляд на олигарха. Тот, в знак полного согласия, медленно прикрыл веки и склонил голову. Проводник продолжил:

– Резюмирую: как это ни печально, господа-товарищи, но обратного пути уже нет, только вперёд – через тернии к звёздам! Только, боюсь, огорчу вас ещё раз. Звёзд вам не видать очень долго. Казалось бы, сущий пустяк, безделица и глупость – наблюдать звёзды. Мы же не астрономы. Или просто любоваться природой: лесом, горами, реками, озёрами, травой. Но ведь некогда. Нас ежедневно ждут великие дела и заботы по добыванию денежной массы, добыв которую, проводим свой досуг в трёх культурных местах из трёх букв «Б». И это не Большой театр, Библиотека или Быт семейный. Это Бар, Бордель и Баня с девочками. Но вот наступил момент, когда кончились дела, кончился досуг, а вместе с ними: леса, горы, реки, озёра, трава. Вы их видели постоянно, но не замечали, вы их наблюдали, но не проникались их духом, не сливались в единое целое. А теперь впереди...

Тут Харон понял, что речь его была преждевременной. Они ещё не созрели для глубинного понимания произошедшего. Он тяжело вздохнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. И два земных туза послушно поплелись следом.

– А что нас ждёт впереди? – шмыгая носом, спросил окончательно убитый горем коррупционер.

– Честное слово, не знаю, – откровенно ответил Харон. И тут же спохватился. – Да, кстати, я чуть было не оплошал. Пустая формальность. Ты – Волосолапов Игнатий Петрович, 1970 года рождения?

– Да, – всё ещё всхлипывая, ответил тот. – Я ещё очень молод. Мне бы ещё пожить немножко?!

После этих слов вмешался финансовый воротила:

– Эх, и мне бы хоть на денёк-другой обратно! А там...

– И что бы ты сделал? – с нескрываемым сарказмом спросил проводник.

Баксов на интонацию даже не обратил внимания.

– Я бы, – задумчиво ответил он, – все свои капиталы, которые здесь и которые там, вернул бы на Родину и распределил бы по детским фондам и больницам. И чтобы неимущим делали сложные операции бесплатно.

– А ты делаешь успехи! – сарказма в голосе Харона не убавилось. – Как-то ты очень быстро смирился и перестроился?! Неужели пришло откровение и покаяние? Я хочу тебе кое-что сказать. Прежде, чем отвечать, ты должен уяснить одну простую истину – здесь невозможно укрыть ни одной потаенной мыслишки. Вы все здесь, как на ладони. Ну, так как?

Магнат усмехнулся:

– Чего там скрывать, в первую очередь, очень хотелось бы досадить всем родственникам и партнёрам. Ну а потом, конечно, раз я уже знаю то, чего не знал там, естественно, хотел бы помочь обездоленным.

– Даже если и так, то твой поступок исходит не от сердца, а от разума. И рассчитывать на снисхождение за лукавые деяния никак не получится. Как говорится, поздно каяться, сын мой. Получишь по полной!

Чиновник, утирая слёзы вместе с соплями, идиотски захихикал. Олигарх коварно оскалится и, повернувшись к тому, зло сказал:

– А ты-то чего ржёшь? Взятчик-неудачник! Думаешь, своими соплями разжалобить Бога? Думаешь, Его проймут твои лживые слёзы? Не получится!

Проводник вытянул руки вперёд, раскрыв ладони:

– Стоп-стоп-стоп. Вас, господа, занесло чересчур. Это же надо такое придумать – к Богу на аудиенцию захотели?! Уймите дерзость и гордыню.

Баксов резко повернул голову к говорившему:

– Не понял? Ты же сам меня всё время пугал – на суд, на суд! Что, не было такого?

– Суд будет, не переживайте. Всё чин-чинарём: и суд, и судья, и прокурор, и адвокат. Всё будет, как положено. Последний атрибут аналогичности с земной жизнью для большей восприимчивости конечной справедливости.

Бывшие злоумышленники переглянулись. Заговорил чиновник, после смерти ставший скромным и стеснительным, как первоклассник в советское время.

– Вы меня извините, уважаемый господин... простите, не имею чести знать вашего имени и занимаемой должности?

– Харон, – подсказал собрат по несчастью. – Это и имя, и должность. Легенды и мифы древней Греции помнишь? – Тот неловко замялся и отвёл глаза в сторону. – А, двоечник! Короче, он наш проводник. В прошлом филолог-студент. Вечный.

В голосе слышалась не злобная издёвка. Вечный филолог-студент на это лишь вежливо склонил голову, скрыв проскользнувшую снисходительную улыбку.

– В прошлой жизни меня называли Алексеем, – сказал он. – А здесь проводник под номером 192429697092.

– Мне столько цифр не запомнить, – опечалился Волосолапов.

Олигарх быстренько вставил свою реплику:

– Конечно! Ты запоминаешь одну-две, а потом только количество нулей. Хотя, если бы это была сумма взятки, ты бы на ходу зафиксировал в своей памяти каждую циферку.

Чиновник обиделся. Он уже начал адаптироваться к новой обстановке.

– Я на хамские выпады не отвечаю, – довольно смело заявил он тому, на кого при прошлой жизни не смел бы даже косо глянуть. И демонстративно обратился к проводнику. – Так вот, уважаемый Алексей, я, с вашего разрешения, буду называть вас по имени. Можно? – Получив утвердительный ответ, он продолжил. – Так вот, насколько я осведомлён, души умерших должны предстать для вынесения им приговора перед Всевышним? Не так ли?

– Не так! – резко ответил Алексей. – Кто вы такие, чтобы вас судил лично Всевышний? Это там вы, может быть, ещё что-то из себя представляли, а здесь вы... Ваше дело дальше первичного суда не пойдёт и кассационных жалоб подавать возможности не будет.

Оба наострили уши. Дотошный государственный крючкотвор приторно продолжил дознание:

– А вот хотелось бы знать, какова судебная градация здесь? Какая иерархия судебных органов и общая конъюнктура уголовно-процессуального права? Кто определяет ранжир рассматриваемых дел и каковы критерии всех правонарушений?

Проводник остановился.

– Ты это брось, – сказал он строго. – Выпытываешь, как шпион какой-то. Вопросов много, а понятно мало. Привык там у себя словоблудием заниматься. – После нагоняя Алексей смягчился. – Да, честно скажу, я тоже знаю не много. Видите ли, я проводник почти самой низшей категории. Сопровождаю всяких подлецов, сволочей и гадов вроде вас. А более тяжкими преступниками занимается служба безопасности нашего уровня. Там приходится и силу духа применить, чтобы доставить клиента к месту назначения.

– А кто же, позвольте спросить, сопровождает э-э-э, как бы это точнее выразиться, добropорядочных граждан? – не унимался Волосолапов. – Такие же хорошие люди, только раньше

умершие? И если сопровождаете нас вы, то, значит, вы тоже в той жизни... характеризовались далеко не с положительной стороны? Значит, вы тоже были...

Пока он подыскивал нужное слово, Баксов оказался более находчивым.

– Порядочная сволочь! – рявкнул он и тут же отвёл глаза от колючего взгляда Харона.

– К вашему сведению, сволочь не может быть порядочной. Сволочь... она везде сволочь.

Правильно?

Это чиновник быстренько вступился за своего проводника, чтобы хоть немножко заслужить его благосклонность. Но сказал верно, с чем Алексей и согласился. Магнат, видя, что не последовало никаких карательных санкций, осмелел и взял на вооружение язвительную сатиру:

– Но ты же не станешь отрицать, что будь иначе, ты бы находился в совершенно другом месте? Например, вёл беседы за рюмочкой кагора с нищими философами, богословами-отшельниками, странниками – искателями истины, и прочими отщепенцами нашего мира? – Подумав, олигарх последнюю фразу изменил. – Того мира.

Проводник не стал уходить от темы:

– Это было бы большим счастьем, хотя бы находиться где-то рядом, но я действительно этого не заслужил. Тем не менее, я надеюсь когда-нибудь на повышение по служебной лестнице. А насчёт сливок общества и отщепенцев оно, по эту сторону жизни ракурс взгляда совершенно иной. И богатый может стать человеком, и среди бедных полным-полно нелюдей.

Викентий Аристархович из множества вариантов выбирал всегда только нужный ему:

– А, так здесь также предусмотрен карьерный рост?!

Харон в очередной раз снисходительно улыбнулся:

– Не обольщайтесь, методы этого роста вам будут в диковинку. Мотайте на ус: лицемерить и подхалимничать бесполезно; интриг плести не получится, потому что отсутствует интрижная паутина; денег нет никаких – ни долларов, ни евро, ни рублей, ни тугриков. Поэтому на лапу дать не представляется возможным. Да и лапы здесь тоже нет: ни лысой, ни волосатой. Понял, Волосолапов?

– А при чём тут я? – опять всхлипнул чиновник.

– Заткнись! – пресёк мокрое дело олигарх. – А что же здесь есть? Рабский труд?

– Есть служение! Служение тому, кого мы не замечали в той жизни. Путь, через служение, к самосовершенствованию и к гармонии. Не обязательно быть нищим философом, богословом-отшельником или бродягой-странником. Для начала достаточно просто жить по совести. Кто-нибудь из вас помнит, что это такое?

Магнат отмахнулся:

– Вот только не надо из нас делать врагов рода человеческого. Знаю, и что такое совесть, и где ей место быть. Давай это пока оставим. – По всему было видно, что денежного сквалыгу гложет что-то другое. – Мне вот хотелось бы уточнить некоторые нюансы влияния живущих там, на живущих здесь? Например: молебны, панихиды, свечи за упокой?

Проводник любил улыбаться. По всему, он и прошлом не был занудой.

– Всё имеет свой вес, – сказал он с хитрецей, – только свечи за упокой, что мёртвому припарка. Извините за чёрный юмор. Равно, как и за здравие. Без веры и молитвы, это пустой ритуал. Лучшее лекарство, которое может дать живой человек живой душе, это искренняя ежедневная молитва.

– В таком случае, – печально вздохнув, но голосом циника с интонацией стоика, олигарх заключил, – как там, так и здесь придётся выкручиваться самому. Уж молиться за меня точно никто не станет. – Затем с пренебрежительным сочувствием добавил, глядя на Игнатия Петровича. – Не переживай, уж твоя-то жёнушка будет натурально тебя оплакивать, как потерю единственного кормильца. А вот мои, опасаясь, как бы не пустились в пляс. Прилюдно.

Все затихли, но не надолго. Волосолапов опять стал хныкать и скулить:

– Как это всё печально. А вот хотелось бы знать, сколько нам могут дать?

Баксов был более стойким:

– О, рифмой заговорил. После смерти проснулся поэтический дар? Ты ещё про явку с повинной спроси?! И про конфискацию?! И не полагается ли амнистия по случаю каких-нибудь праздников?!

Харон ответил всем и сразу:

– Так, заткнитесь оба! Подходим к очередному клиенту.

Глава третья

Все притихли и остановились. Харон посмотрел на свои раритетные часы. Спутники оглядывались и ждали, их распирало любопытство. И вскоре перед ними открылась картина очередной трагической сцены. На проезжей части дороги лежал молодой человек лет 30—35. Участок видимости, имевший в диаметре метров пятьдесят, был локализован невидимым куполом, за которым царил всё тот же мрак.

Магнат настолько освоился, что уже чувствовал себя в новой обстановке довольно вольготно, и поведение его становилось бесцеремонным, и даже нагловатым.

– А ты, вообще, – обратился он к проводнику, – людей, умерших своей смертью, хоть иногда находишь?

– В этом и состоит специфика моей работы, – ответил Алексей серьёзно. – Убийства, самоубийства, несчастные случаи. Сегодня мне с вами ещё повезло. Бывает, погибшие закатывают такие истерики, особенно женщины, что приходится применять всё своё красноречие, чтобы успокоить.

– Да, я заметил, – согласился толстосум, – ты красноречив, как прирождённый филолог. Прямо-таки, оратор! Цицерон! Сенека! Да, кстати, насчёт Сенеки. Нельзя ли добиться, чтобы нас, ну, хотя бы меня, защищал на суде он? Насколько я помню, он в своё время был блестящим судебным оратором?!

Мгновенно в разговор вмешался чиновник:

– И меня, и меня! Я тоже хочу, чтобы меня защищал Сенека!

Баксов парировал:

– А у тебя денег нет, чтобы заплатить! Взятку не успел получить, а то бы нёс с собою кейс с наличностью и чувствовал бы себя куда увереннее.

В Волосолапове проснулась дерзость:

– А у тебя тоже ни хрена нету! Ни копейки! Босяк!

– Дурак, я чек выпишу.

Опять вмешался Харон:

– Перестаньте же дурачиться и не мешайте работать. Я, конечно, прекрасно вас понимаю: столько лет в напряжённой роли серьёзных и солидных людей, а здесь уже эту роль играть глупо, вот и хочется порезвиться, пока есть возможность. Но вы должны понять и меня. Учитесь понимать других. Хотя бы после смерти.

– Хорошо, – согласился олигарх. – Босс, можно ещё один вопрос?

Этим новым обращением Баксов, то ли в шутку, то ли всерьёз, признавал в проводнике лидера, что при жизни было бы немыслимо.

– Если не глупость – валяй, – благосклонно позволил Харон.

– А как бывает с детьми, которые погибают? Ты их встречаешь?

– Души детей, в большинстве своём, ещё не обременены тяжестью непомерной вины, и они попадают на более высокие уровни, где их встречают проводники не чета мне. Вот там может быть яркий свет. Хотя, конечно, тоже далеко не всем. Ладно, ближе к делу. Надо осмотреться.

Место происшествия находилось за городом. Человек лежал почти посередине трассы, а на обочине стоял автомобиль с открытыми дверками. Харон приступил к своим обязанностям:

– Молодой человек, не соблаговолите ли покинуть ваше брэнное тело, теперь уже совершенно вам не нужное, и присоединиться к нашей, пусть и не совсем честной, но страстно желающей стать на путь исправления, компании? Смею вас уверить, что лежать в этом бездыханном прахе глупо и бесполезно. Давайте будем знакомиться.

Все трое смотрели на лежащее тело, в то время как голос раздался со стороны белого «БМВ».

– Ребята, я здесь! Провожу осмотр. Да, подчистили всё!

Высокий черноволосый парень, в костюме и при галстуке, подошёл к стоявшим. Осмотрел всех и представился:

– Хватов Андрей, журналист.

Проводник дополнил:

– Игоревич, 1985 года рождения. Репортёр, охотник за сенсациями, за тeneвыми делами элиты бизнеса, политики и госуправления. – И при этих словах ткнул пальцем в грудь замминистра. – Это гражданин Волосолапов, знаете?

Журналист согласно кивнул и заключил:

– Да, мелкая сошка.

Чиновник недовольно поморщился, но возмутиться в полную меру не дал Алексей, представив следующего спутника:

– А это, как видите, сам господин Баксов, пресытившийся суетным миром и почтивший нас своим не только вниманием, но и присутствием. Ну а я – скромный экспедитор ваших бессмертных, но порядком – у кого больше, у кого меньше – замызганных, заляпанных, запятнанных грязью собственной жизни душ. Несчастный случай?

Парень оживился:

– Вот в этом всё и дело! Это преднамеренное покушение! Я вез сенсационный материал!

Магнат бесцеремонно перебил:

– У вас другого не бывает, охотник за скальпами. О чём-то хорошем и светлом вам писать не интересно. Вам подавай всё тухлое, вонючее, с гнильцой. Я нисколько не сомневаюсь, я даже знаю наверняка, что за вами стоят более влиятельные персоны, и всё же сильно удивляюсь, почему вы так долго жили?! Хотя нет. Ни один уважаемый человек не станет мараться по пустякам. Знаете, почему? – И тут же сам ответил на свой вопрос. – А потому, что никого серьёзного по-настоящему укусить так и не смогли. Помнится, и на меня несколько раз пролаяли, но вам щёлкнули по носу и вы заткнулись. Вы молодой щенок, которого натаскивали хозяева и иногда давали команду «фас». Вас всех держит на коротком поводке тот или иной хозяин, но если вы с поводка срываетесь, по глупости своей, и начинаете без команды кусать, или, чего хуже, бросаться на самого хозяина, то вы, как полноценный пёс, обречены. Никто вас не то что кормить, но и держать возле себя не станет. А если вы к тому времени подхватили вирус бешенства, то вам прекрасно известно, как поступают с бешеными собаками – их пристреливают! Что мы и видим перед собой. Санитары и экологи просто провели дезинфекцию, чтобы избежать массового заражения.

И олигарх пренебрежительно указал на труп. Остальные, включая бывшего хозяина сего трупа, инстинктивно посмотрели в указанном направлении. Харон дипломатично переакцентировал разговор:

– Вы как-то странно себя ведёте?! Необычно. Вас что, не волнует ваша гибель? Вам ничуть не страшно?

Журналист развёл руками:

– Страшно? Пожалуй, нет. Жалко и обидно, конечно, но что уже поделаешь?! Что случилось, то случилось. Меня сейчас беспокоит совершенно другое.

Наконец, подал голосок и молчавший доселе чиновник:

– Да, нас всех беспокоит наша дальнейшая судьба.

Андрей только отмахнулся:

– Да нет, меня беспокоит другое. Весь дубликат компромата: и бумажные документы, естественно, копии, и флэшка похищены. Как будто предчувствовал – оригинал спрятал в надёжном месте.

– И кто о нём знает? – осведомился Алексей.

– В том-то и дело, что никто, кроме меня.

– Вы, я вижу, репортёр до кончиков ногтей, до последнего волосика?! Зачем вам это? Каждый получит то, что ему причитается, а раз вы погибли, значит, не вы являетесь орудием возмездия. Так что, бросьте глупые терзания и подумайте о своей прожитой жизни. Именно она будет основополагающим фактором в вынесении судебного приговора. Помощник министра в некоторой степени прав – надо беспокоиться о своей дальнейшей судьбе, а не беспокоиться о пустяках. Хотя, честно скажу, от вас уже ничего не зависит. Разве что, молитесь, если умеете.

– Пойдите-пойдите, – вмешался Баксов. – Ладно, взятку дать невозможно, солгать тоже, но ведь каждый поступок можно трактовать по-разному?! И как насчёт адвоката, ты же обещал?

– От меня здесь ничего не зависит, кроме доставки. А адвокат будет, не волнуйтесь, но иллюзий на сей счёт особо не питайте. Роль его в тамошнем судопроизводстве невелика, так, неотъемлемый атрибут равноправия и справедливости, а всё решать будут судья и прокурор. Но всё будет по-честному, все ваши поступки будут трактоваться с той позиции, с какой вы их совершали. Внутреннее побуждение к действию. Там уже давно изучили все ваши жизни и ждут с нетерпением. А прокурор особенно.

Андрей неожиданно погрузнел, и все на это обратили внимание.

– Успокойся, юноша, – поддержал олигарх. – Я не думаю, что ты, за свою короткую журналистскую жизнь, совершил слишком много дурных поступков. Ты никого не довёл до самоубийства, ты даже никого крупного не посадил. Так, некоторым подмочил слегка репутацию, которую, кстати, те быстренько высушили. Ну, некоторых, правда, снимали с должностей, но и они вскоре заняли другие, не менее прибыльные места. Всё это игра, как в шахматы, где роль любого журналиста – пешка, которая никогда не станет ферзём. Разве нет? Ты же выполнял указание? Признайся! Ведь мы все кому-то служим.

Журналист меланхолично вопрос проигнорировал.

– Моя судьба меня волнует меньше всего, – без намёка на пафос сказал Андрей. – Что заслужил, то получу. У меня четверо детей осталось, да жена домохозяйка. Старшей дочери 12 лет, а младшему Артёму – три годика. Как они без меня будут жить? Вот их судьба меня действительно волнует!

Харон успокоил:

– За них не беспокойся. Господь непосильной ноши не даёт.

– И, небось, накопления имеются, – вновь вмешался в разговор магнат. – На первое время хватит. А там... продаст квартиру, машину, дачу, купит в деревне домик, и будут жить-поживать, да добра наживать.

– Заткнись, народный кровопийца! – не выдержал Андрей. – Тебе, вот, кроме своих денег и жалеть-то нечего и некого! Да и тебя никто не пожалеет, а через месяц-другой никто и не вспомнит. Да и на похоронах вряд ли кто всплакнёт. Жена прикроется чёрной вуалью, чтобы скрыть радостный блеск в глазах. Жизнь твоя пуста и никчемна. И меценатство лукавое, и благотворительность лицемерное. Ты – духовное ничтожество!

Олигарх в долгу не остался:

– Может она и не насыщена великими и благородными помыслами и деяниями, зато она не была скучна и бедна. А твоя жизнь, думаешь, лучше? Ещё одна проститутская профессия! И мне кажется, древнее древней. Только первая женщина подумала о блуде, как ваш брат, сплетник – будущий журналист, растрезвонил об этом на весь мир. Платит один кровосос, как ты выразился, чтобы прищемить жало другому кровососу. И в чём смысл твоей жизни? В том же, что и моей – зарабатывании денег. Вот кому ты вёз компромат?

В рассуждениях Баксова была и здравая мысль, и логика.

– Всё верно, – согласился многодетный отец. – Разница лишь в том, сколько невинных жертв на твоей совести, и сколько виновных на моей? А каким образом я разоблачал подобных тебе подонков, не так уж и важно.

Магнат в подобных прениях также не был школяром:

– Подонки изобличают подонков, и за это платят другим подонкам. Ты же брал грязные деньги! Возможно, заработанные на наркотиках! В любом случае, на обмане – точно! Журналисты хуже проституток: те продают своё тело – вы свою душу!

Журналист от дальнейшей дискуссии уклонился:

– Вот за это я и отвечаю. А продавая тело, нельзя не замызгать душу. Они слишком тесно связаны между собой.

Вмешался проводник:

– Все за всё ответите и все своё получите. Не надо попусту накалять ситуацию. – Потом добавил, обращаясь ко всем. – Что-то мне сегодня попались весьма беспокойные и принципиальные клиенты. Размахались кулаками после драки. Бой закончен, и гонг о его окончании уже прозвучал. Шли бы тихонько позади, понури́в головы, припоминая дурные поступки, вспоминая близких людей, обиженных понапрасну, как и положено кающимся грешникам. А вы развели тут...

Олигарх мгновенно возмутился:

– Где их взять, этих родных и близких, если по-настоящему родные давно умерли, а близкие только потому близкие, что живут рядом. И когда опасаясь не только выстрела с крыши, но и чтобы близкий человек, в порыве любви, не подсыпал яду в стакан с утренним кофе. А дети?! Желают спокойной ночи, а в глазах читается надежда, что она окажется для тебя последней!

Опять подал голос переставший хныкать бюрократ:

– И всё время: «Папа, хочу это, папа, купи то». Тут хочешь, не хочешь, а приходится брать, потому что и у самого со временем потребности возрастают. Да и марку надо держать. Потом это становится потребностью, своего рода наркотиком, без которого трудно жить. Как без воздуха. Да и нельзя не брать! Сживут, если не со свету, то с должности точно. Чиновник, не берущий взятку, подозрителен настолько, насколько излечившийся наркоман или алкоголик. К нему никогда не будет полного доверия. – После непродолжительной паузы заключил. – Вот и сейчас очень захотелось взять. Хоть какую-нибудь мелочь.

– Что, Волосолапов, волосатая лапа зачесалась? – поддел Баксов. – Хочется взять, да нечего?

Но заместитель министра уже перестал бояться магната. Да и чего его бояться, бестелесной сущности?! Без денег и связей. Но дерзить, на всякий случай, не стал, а выдвинул новое желание:

– Жрать очень хочется. Мясо хочу!

Алексей понимающе кивнул:

– Бывает. Подсознательная память ещё даёт о себе знать. Но на суде особо об этом не распространяйтесь, здешний судья не жалуется бывших ярых мясоедов. Поэтому не вздумайте на суде ляпнуть, как приятно журчат на сковородке свиные колбаски. Не поймут. Особенно, как я уже сказал, судья. Неординарная личность.

– А я вот всегда был вегетарианцем, – поддержал тему банкир. Выждав паузу, добавил. – В душе. Но тело постоянно требовало мяса, а слабовольная душа податливо уступала, отчего испытывал дисбаланс и дисгармонию. Всю жизнь страдал раздвоением личности. Но теперь, когда ненасытная оболочка отсутствует, я рад, что, наконец, стану настоящим вегетарианцем. И, может быть, даже альтруистом!

– Абсолютным, – без эмоций согласился Харон. – Шутите, пока есть возможность, потому что главная шутка впереди. От судьи.

Но слабовольный вегетарианец разошёлся, будто бес толкал его в ребро:

– А вот выпить я бы не отказался. Хоть какого-нибудь «Вермута» хлебнуть. Из прошлого, из студенческих лет.

Но и тут его ждало разочарование.

– А про алкоголь упоминать нежелательно категорически, если не хотите разозлить судью окончательно.

– Неординарную личность? – с долей иронии, но и с не меньшей долей опаски спросил Баксов.

– Именно. Просто не надо наступать на больную мозоль.

– Странный судья?!

– Обычный. Воспринимайте всё как должное, и не болтайте на потусторонние темы.

Некоторое абстрактное время шли молча, следуя за проводником по непонятному мрачному тоннелю. Каждый думал о чём-то своём. О чём думал банкир, все скоро узнали. Он спросил, обращаясь к журналисту:

– На кого компромат-то? В сложившейся ситуации скрывать что-либо глупо, не правда ли?

– Совершенно, – флегматично ответил Андрей. – На вашего собрата по денежному мешку, даже не по мешку – по вагону, Еврова Бориса Анатольевича. Я всей схемы не знаю, моя задача была получить документы, сделать копии, одну опубликовать в нашей газете, а вторую передать репортёру с телевидения. Вот на встрече меня автомобилем и сшибли. И ведь даже не глянули – жив я или умер?

Баксов размышлял.

– Убивать тебя никто не собирался, – сказал он. – Точнее, им было безразлично твоё самочувствие. Нужен был компромат, а не твоя жизнь. Кто знал о копии?

– Точно не могу знать весь круг посвящённых, но я получал инструкции от своего главного редактора. А вот откуда он черпал информацию, меня в известность поставить не соизволили. Вся схема связи конспирирована и локализована, как в шпионских фильмах или книгах.

Лишние рассуждения Андрея магната не интересовали. Он был предельно сконцентрирован, задавая точные вопросы, и отсекая всё лишнее:

– Телевизионщики про копию знали?

– Не думаю. Зачем их загружать лишней информацией? Их задача получить и показать. Каждый выполняет свою задачу.

– А какого... – Баксов ещё раз вспомнил о предупреждении на запрет упоминаний кое-кого, – рожна ты вылез на дорогу?

– Так было условлено: я выхожу и жду, он, не доезжая, мигает фарами. Когда он медленно проезжает возле меня, я через открытое окно передаю всю документацию. Один экземпляр. У всех инструкции.

Олигарх презрительно усмехнулся:

– Ну что, поиграли в шпионов? Доигрались?! Какой канал?

– БАК-ТВ. – Пришёл черёд Андрея ехидно оскалиться. – По-моему, вы имеете к нему некоторое отношение?

– А по-моему, имел. Я уже ни к чему не имею отношения, даже к собственному телу, которое будут мыть, одевать красиво, некоторые особи, допускаю такую мысль, будут втихомолку поплёвывать в мою сторону. Но мне-то на это уже совершенно наплевать. Лишь прискорбная мысль о всеобщей продажности угнетает меня. Алчный человек любую профессию и любую должность превратит в ругательное слово. В вашей ситуации всё стало ясно и понятно. Весть о моей смерти уже, естественно, разлетелась, и на телевидении об этом узнали одними из первых. Меня просто списали со счетов на собственном канале, переметнувшись в стан

врага. Ничего не поделаешь, это обыденность и повседневность нашей жизни. Как пошло говорится: ничего личного – бизнес. Это понятно, это ладно.

Олигарх вздохнул и, незаметно для себя, перешёл с журналистом на «вы»:

– Вы, молодой человек, лучше ответьте на такой вопрос. Как бы вы, лично, распорядились копиями, узнав о моей смерти, и не погибнув сами? Не думаю, чтобы кто-то рискнул взять на себя смелость их обнародования?! Это мёртвый груз. Причём, очень и очень опасный. Он у вас в редакции?

– Нет. Я его собирался туда отвезти после встречи. Но теперь я передал бы в совершенно другие руки.

Последнюю фразу Андрей произнёс твёрдо и убеждённо, на что Баксов улыбнулся хоть и иронично, но добродушно.

– И те руки, полагаете, чище остальных? – спросил он.

– Надеюсь. Мой хороший друг работает в спецслужбах, и у меня нет оснований ему не доверять. Но как он поступил бы, я, конечно, точно знать не могу. В любом случае, я выполнил бы свой долг. Может быть, впервые в жизни.

– Красивые слова, красивые фразы, за которыми обычно либо пустота, либо ловушка. Как бы там ни было, – философски подвёл итог магнат, – но всё это в прошлом, которое нас должно интересовать меньше всего. Но я рад, что такой журналист, как вы, не утративший ещё окончательно понятий о долге и чести, работал на меня. Жаль, что нашей встречи не произошло раньше?!

– Внимание, джентльмены! – прервал разговор Харон. – Входим в зал правосудия, которое здесь, как бы вам от этого не было грустно, не продано. Вас ждёт беспристрастный судебный вердикт, а моя миссия на этом закончена.

– Вы нас покидаете? – с льстивым сожалением поинтересовался помощник министра. Видимо, за долгие годы службы лесть впиталась в душу.

– Вы переходите под опеку другой юрисдикции, и с этого мгновения я не несу за вас никакой ответственности. – Харон оглядел своих недавних подопечных. – Но, если не будет срочных вызовов, на заседании я всё же поприсутствую. Из чистого любопытства. Каким бы грубоватым я вам не показался, но равнодушия во мне нет. Я переживаю за всех своих клиентов, а с вами даже почти сдружились.

Глава четвёртая

Они вошли в сравнительно небольшое помещение, в котором на столах стояли, а по стенам висели, канделябры с горящими свечами. А на потолке, вместо люстры, висел газовый фонарь. Все с интересом завертели головами. Магнат и здесь не удержался от сарказма, тихонько спросив:

– Вам что, электричество отключили за неуплату?

Проводник ответил утвердительно:

– Да, только не за неуплату. Однажды наш судья, по глупости и неосторожности, схватился за оголённые провода, после чего так здорово пропитался электричеством, что его тёмная аура начала ярко светиться. А это ему по статусу не положено. Теперь, пока весь персонал нашего отдела не пройдёт курс физики по разделу «электротехника», мы вынуждены пользоваться свечами и газовыми рожками.

Это объяснение немного разрядило ситуацию, и все засмеялись. Впрочем, весьма скромно и незаметно. Даже чиновник по-детски захихикал.

Весь судебный консилиум был в сборе и, как видно, ждали именно подсудимых. Судья привстал, развёл руки в стороны, и неискушённому наблюдателю могло показаться, что он несказанно рад видеть вошедших и желает их обнять. Это был пожилой, тучный мужчина с мясистым, красным лицом и крупным носом, точно такого же цвета, с ярко алыми прожилками. Он был облачён в чёрную мантию, а на столе, с горящими свечами, по одну сторону лежал деревянный молоток, а по другую – головной убор, именуемый цилиндром. Судья был стар и, судя по внешней атрибутике, родился ещё в веке девятнадцатом. Впрочем, в нём же, по всей вероятности, и помер.

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – Ты в своём репертуаре, любитель непринуждённых бесед. Тебя только за смертью посылать! И то можно умереть, не дождавшись.

– К счастью, только за результатом её работы, – скромно ответил Харон. – Она всегда на шаг впереди меня, и я успеваю узреть лишь взмах её чёрного крыла.

– Вот видишь, как она быстра, а подчас – молниеносна, в отличие от тебя. Ты не должен забывать, что заставляешь ждать других. Или ты полагаешь, что у меня нет более интересных занятий?

Проводник всё так же скромно ответил:

– Я осведомлён, Ваша Честь, о том, как вас сильно притягивает электричество, но если бы вы изучили его взаимодействие с другими энергиями, то...

– К вашему сведению, distinguished дальнобойщик, – сказал судья и метнул из под густых бровей огненный взор, будто действительно электрический заряд, ранее полученный, не весь ещё был израсходован, – все разделы, связанные с электричеством, я изучил досконально и основательно. – И добавил не без самодовольства. – Теперь перешёл к ядерной физике. Весьма увлекательное чтение!

– Я рад за вас, господин судья, – мягко сказал Харон и вежливо поклонился, скрыв за поклоном слишком откровенную усмешку. – Только, прошу вас, не спешите переходить к практическим опытам.

Усмешка замечена не была, но поклон не помог. Не надо было давать опрометчивый совет. Судьи не любят, когда им дают советы чины рангом ниже, а в земной практике – до ужаса не любят бесплатных намёков. Даже выработан свой преёскурант: один намёк – прожиточный месячный минимум. Вот почему наши судьи кажутся такими тугодумами.

– Я буду вынужден, – заключил судья, – отметить ваше опоздание в отчёте. Извините, но таковы правила.

– Как вам будет угодно, Ваша Честь, – сказал проводник и, склонив ещё раз голову, отошёл в сторону.

– Проходите, грешники, присаживайтесь, – с ехидной ухмылкой пригласил прокурор наших новобранцев, которые недоуменно и глупо переглядывались, слушая диалог Харона с судьёй.

Прокурором являлась странная девица в короткой юбке и в бюстгальтере, явно заниженного размера, из которого, при всяком резком движении, норовили выпасть обе женские прелести. Определить возраст сей особы не представлялось возможным из-за омолаживающей маски на лице. Были видны только пухлые губы и большие голубые глаза, в которые, даже не видя всего остального, хотелось влюбиться до беспамятства. Шея, почему-то, была окутана кашемировой шалью. Пока они шли, девушка при исполнении не сводила с них колючего, пронзительного взгляда.

– Сюда-сюда! – приветливо помахал рукой адвокат, приглашая к себе. – Мужайтесь, я вас буду защищать, – сказал он тихо, когда те к нему приблизились.

Олигарх, уже свыкшийся с мыслью о дальнейшем месте жительства в аду, выплёскивал свой сатирический талант, который, оказывается, скрывался за маской серьёзного и жёсткого бизнесмена:

– И судя по тебе, нам этого мужества понадобится больше, чем нашим предкам в Великую Отечественную войну. Хорошо, что в тебе нашлось мужества нас честно об этом предупредить. Мы обещаем быть стойкими и не предъявлять тебе претензий. Тебе можно только посочувствовать.

Адвокат промолчал и опустил голову. Это был молодой, бледный парень лет тридцати, с тонкими дрожащими пальцами, не находящими себе места. Он то барабанил ими по столу, то крутил в них авторучку, которая всё время выпадала, а он нервно хватал её вновь и продолжал прежние операции. То был наркоман, закончивший университет с красным дипломом, но трагично умерший от передозировки.

В помещении присутствовало ещё несколько личностей. Точнее, сидело поодаль от входа, где освещение было наименее доступно, три тёмных силуэта в балахонах с огромными капюшонами. Они представляли те заведения, в которые обязаны были отправиться каждый из осуждённых, и одновременно на них возлагалась ответственность по безопасности и охране, перешедшая от Харона.

Подсудимые медленно присаживались на ожидавшую их скамью, рядом с нервным адвокатом, а журналист успел задать последний вопрос проходящему дальше проводнику:

– Скажите, Алексей, здесь всё так, как описано у Данте в «Божественной комедии» – девять кругов ада?

– Не говорите глупостей, – скороговоркой зашептал проводник. – Вы только что покинули один из кругов ада, но даже не поняли этого. Да и автор давно пересмотрел свою точку зрения.

Судья грозно посмотрел на Харона.

– А вам, я вижу, заняться нечем? – спросил он не менее сурово. На что проводник лишь развёл руками. – Вон, присядьте в сторонке и сидите тихо.

Затем, насупив брови, фальшивым басом объявил:

– Судебное заседание по делу грешников, – судья перечислил паспортные данные доставленных, – объявляется открытым! Первым рассматривается житие грешника Волосолапова!

Чиновник в то же мгновение испуганно завизжал:

– Гражданин судья, почему же моё дело первым? Я, что ли, самый страшный здесь грешник? У кого больше денег, у того больше грехов! Это они, денежные тузы, – упыри человечества! Изверги рода людского! А я никого не убил, не отравил, не покалечил... физически, даже не обманывал... часто. И вообще, я в душе совсем не злой. А что с некоторыми представите-

лями человеческого сообщества бывал строг и груб, так с ними иначе нельзя. На шею сядут, паразиты! А должность у меня, сами понимаете?! И детей я очень люблю.

Баксов презрительно ухмыльнулся.

– Детей он любит?! – рявкнул он. – У которых очень молоденькие мамы? Или детей постарше любишь, педофил ублюдочный? В котёл его, извращенца!

– Я не... он просто... это ложь... – сумбурно оправдывался Волосолапов, не ожидавший такого обвинения, да ещё и от коллеги по несчастью.

Но продолжения склоки не допустил побагровевший судья. Он заорал:

– Кто вам, вообще, давал слово?! Немедленно замолчите оба! – И уже чуть спокойнее продолжил. – И впредь прошу помнить одно незыблемое правило: будете говорить только тогда, когда я разрешу вам это делать. Советую привыкать уже на этой скамье вести себя скромно и прилично.

После этого судья вдруг успокоился и, казалось, даже подобрел, потому что заговорил мягким и доверительным тоном:

– Хочу вас успокоить относительно вашего будущего. Провести, так сказать, профилактическую беседу с целью выработки у вас хотя бы относительной эмоциональной устойчивости перед дальнейшим беспросветным прозябанием. Вот что я вам скажу, дорогие мои, если на вас нет слишком страшных злодеяний, то и в аду жить можно. Невыносимо, но можно. Очень страшно, очень мучительно, но можно.

Всем показалось странной психологическая помощь путём запугивания, но молчали, помня приказ. Судью это обстоятельство удовлетворило, он самодовольно крикнул и продолжил наставлять и успокаивать:

– Но, как и везде, среди сплошных минусов есть один замечательный плюсики. Прошу мне безоговорочно поверить, что там очень приличная компания. По земным, конечно, меркам. И, повторюсь, если только ваши души не отягощены страшными злодеяниями. Я тут бегло просмотрел ваши жизнеописания, и у меня сложилось впечатление, что для вас не всё потеряно. Что вы не безвозвратно падшие сущности, а глубоко заблудшие овцы, способные на исправление и перерождение. А значит, в самую бездну вряд ли попадёте.

После этих слов прокурор громко скрипнула зубами, а судья недовольно на неё посмотрел и покачал головой.

– В аду, – продолжал свой занимательный рассказ судья, – как я уже упоминал, весьма замечательная компания. Кого там только нет! И учёные, и философы, и поэты, и артисты, и писатели, и художники, и режиссёры. Не удивляйтесь, если встретите там, до полного обнажения души, сущностей, облачённых в рясы, в сутаны, в мантии. Их там тоже предостаточно. А магнатов и политиков, всех рангов, вообще пруд пруди! Причём, на всех уровнях, включая саму бездну.

Судья наблюдал за произведённым эффектом, чтобы через паузу его усилить:

– Но, господа-товарищи, есть один маленький нюансик, который из этого плюсики делает два минуса и сводит на нет всю прелесть общения. Как я не единожды уже упоминал, а если не я, то в процессе путешествия проводник вас ставил в известность, что там невозможно ни лицемерить, ни лгать, ни подхалимничать. Там невозможно скрыть ни одной детали своей истинной сущности. Все чувства у всех обнажены и как на ладони, а потому все видят друг друга насквозь в прямом смысле, и от этого злоба и ненависть вспыхивают с умноженной силой.

Грешники окончательно были обескуражены манерой судьи вести душевную, психологическую беседу. Он то мягко пугал, то жёстко обнадёживал. И, по всему, это доставляло ему некоторый дискомфорт, что отражалось в плохо скрываемой улыбке.

– Но не огорчайтесь, – вновь обнадёжил добрый судья, – это временное состояние, хотя и довольно продолжительное. Зато потом, милые мои бедолаги, они, злоба и ненависть, выжариваются насухо и остаются только доброта и любовь, которые, в свою очередь, проверяются

на прочность уже на другом уровне. – И тут он посмотрел в сторону обвинения. – Не так ли, уважаемый прокурор?

Прокурор пренебрежительно фыркнула, но головой кивнула утвердительно, при этом недобро посмотрев на чиновника. Судья не стал делать ей замечание, а вновь обратился к поникшим душам подсудимых:

– В заключение хочу напомнить и вернуть вас в настоящую действительность, дабы ваши помыслы не печалились понапрасну будущим, а обратились с сожалением и скорбью к прошлому. Прежде, чем вы окажетесь там, по нашему же приговору, вам предстоит болезненная процедура разбирательства вашей земной жизни по всем мелочам. И ещё одна ремарка, которую я должен озвучить. Мы все: и я, и прокурор, и адвокат находимся на уровне испытательного срока, а потому приложим максимум терпения, понимания и объективности. Все готовы?

Трое подсудимых без всяких вопросов понуро склонили головы.

Судья этим фактом остался доволен:

– Ну что ж, прекрасно. Начнём. Перед разбирательством дела Волосолапова, я обращаюсь ко всем. Кто из вас на момент смерти находился в алкогольном опьянении?

Бюрократ, надеясь заработать себе небольшой бонус, первым энергично затряс головой, давая понять, что он, в принципе, к алкоголю относится крайне отрицательно. Баксов, помня, что обманывать бесполезно, чистосердечно признался:

– Ну, выпил несколько бокалов «Каберне Совиньон» под жаркое. Вы должны меня понять, в душе я вегетарианец, и без алкоголя кусок мяса мне в горло не лезет.

Судья как-то сразу обмяк, облизнул пересохшие губы и, сглотнув слюну, успокоился окончательно, что было крайне необходимо для беспристрастного ведения дела. Харон, за ним наблюдавший, был немало удивлён стоической реакцией на самый щепетильный и болезненный для того вопрос. В прошлом он реагировал куда как агрессивнее. «Да, – подумал проводник, – старик совершенствуется не только в области физики, но и духовно».

Судья же сухо выдавил:

– Не надо подробностей. Тем более, что в данном, конкретном случае, это к делу не относится. А спросил вас из чистого любопытства и дабы окончательно убедиться в вашем желании быть искренними, а значит, уже сделавшими первый шаг к тернистой дороге исправления и покаяния. Но ещё раз хочу всех попросить, чтобы не встrevали в процесс судопроизводства без данного на то мною разрешения. Выслушивать свои неприглядные жизнеописания достойно, как и подобает раскаявшимся грешникам.

Он посмотрел на горящую свечу, стоящую по правую руку, на лежавший по левую руку английский цилиндр, и закончил ответом на вопрос Волосолапова:

– А рассматриваем дело грешника Волосолапова первым, потому что оно лежит у меня сверху. Прокурор мне подала ваши дела таким образом.

Прокурор крутанула бёдрами, грудь подпрыгнула, и она обличительно и жёстко выкрикнула:

– Да, мне не терпится разобрать по косточкам этого взяточника, крохобора, подхалима, лизоблюда, сладострасца, который погряз в прелюбодеянии с молоденькими, невинными девушками!

Судья сочувственно и с сожалением покачал головой:

– Для начала прошу вас быть спокойнее и помнить о назначенной вам ответственной миссии. А разобрать по косточкам данных граждан не получится, за отсутствием таковых. Но, выражаясь терминами из земных наук – физики и химии, которые я сейчас скрупулёзно изучаю, расчленив их души по атомам, чтобы добраться до ядра и увидеть количество электронов и протонов, то есть – добрых и злых дел, мы постараемся. И всякое, даже незначительное деяние всплывёт перед нашим взором, как дохлая рыба на прозрачную поверхность водоёма.

– Вот-вот! – опять подскочил прокурор, не жаловавший аллегории и метафоры, но суть улавливавший фибрами души. – И про многочисленные сауны с девицами несовершеннолетними! Мы всё про тебя знаем, развратник!

И дама погрозила испуганному чиновнику кулаком. При этом шаль съехала и обнажила шею. Подсудимые с ужасом увидели страшный странгуляционный шрам. Она невозмутимо поправила шаль и уселась, глядя в сторону.

Судья ещё раз успокоил прокурора ласковым словом, пообещав тому в своё время представить обвинительную речь, посмотрел на подсудимых, мельком прошёлся взглядом по тёмным фигурам в капюшонах, угрюмо молчавших и не выказывавших абсолютно никаких эмоций, и, глядя в дальнюю пустоту зала, скрываемую тьмой, объявил:

– Итак, я начинаю судебный процесс!

Глава пятая

Но прежде чем судья приступил к исполнению своих прямых обязанностей, бывший бизнесмен шепнул бывшему журналисту и бывшему крупному чиновнику:

– Хорошо, что не прокурорша здесь главная персона, и не она будет выносить окончательный приговор. А то эта экспансивная девица устроила бы нам такой театр сатиры, в котором чёрный юмор надолго покрыл бы мраком наше будущее, где весело было бы всем, кроме нас. Ох, и натерпимся мы, когда она в мелочах начнёт разбирать наши грехи. Очень не хочется некоторых подробностей.

Без подробностей, правда, не обошлось, но обошлось без злобы, ехидства и издевательств. По крайней мере, со стороны судьи, который сдерживал напор обвинителя, успокаивал и был мягок, добродушен и объективен. Голос его был негромким и монотонным, отчего тягостное впечатление лишь усиливалось. Стыдно было всем: и за себя и за соседа. Все сидели молча, даже у олигарха запас сарказма на это время иссяк. И отнюдь не из-за недостатка остроты, а от боли и сочувствия, неизвестно откуда заполонившим его душу. Ведь именно его земное бытие должно было рассматриваться следующим. Но вдруг все присутствующие заметили, что судья как-то растерялся и не знает что делать. На помощь пришёл прокурор:

– Эй, пан судья! – непривычно и развязно она попыталась привести его в реалии текущего момента. Ей не терпелось требовать самого сурового наказания всем без исключения, а особенно ненавистному, по каким-то причинам, госслужащему.

– Подождите немножко, – проворчал пан судья, и взгляд его стал настолько сосредоточенно отстранённым, будто кто-то его гипнотизировал.

Прокурор хмыкнула, ещё сильнее надула губки, но больше вступать не решилась. Наконец мясистое лицо главы суда дёрнулось, и глаза приняли осмысленное выражение. Он сказал:

– Извините, я немного растерялся от того, что совершенно необычно исчезло дело третьего фигуранта. Я даже предположил невероятное – что, может быть, наш прелестный прокурор, за отсутствием штатной единицы секретаря суда, и возложенные на неё сии обязанности, в спешке забыла положить мне его на стол.

Девушка с повышенными обязанностями молча метнула огненный взор в сторону подсудимых, говорящий более чем красноречиво: «Как бы не так! Такой оплошности я себе никогда не позволю, клянусь вечным огнём ада! Уж я их всех...»

Невозможность такой оказии подтвердил и сам судья, в далёком прошлом мелкопоместный шляхтич Лидского уезда Виленской губернии, встречавшийся в своё время с Калиновским и Врублевским. Испугавшись их идей, а более всего – последствий, он в последний момент отошёл от них, и с течением лет стал в тоске спиваться, пока не пропил и не проиграл своё имя. После этого он перебрался в Санкт-Петербург, где добывал чарку водки и кусок хлеба к ней работая извозчиком. Но однажды, на Рождество, он хватил лишку, упал пьяный в сугроб и замёрз. Банальная ситуация для статистики, но трагичная для каждого индивида в отдельности. А для души – тем более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.